

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. Бобылев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. В. Барабошкина²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. А. Курдин³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. Ю. Яковлева⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. С. Бубнов⁵

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.3, 338.2, 332.02

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И КЛЮЧЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ⁶

Цели в области устойчивого развития (ЦУР) ООН представляют собой систему ориентиров, охватывающую социальные, экологические и экономические аспекты

¹ Бобылев Сергей Николаевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики природопользования, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: snbobylev@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5269-9026.

² Барабошкина Анастасия Валерьевна — к.э.н., научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: baraboshkina-a@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2948-5940.

³ Курдин Александр Александрович — к.э.н., ст. научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: aakurdin@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6025-7551.

⁴ Яковлева Екатерина Юрьевна — к.э.н., ст. научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: e.u.yakovleva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0624-0246.

⁵ Бубнов Александр Сергеевич — ст. научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ab@cs.msu.ru, ORCID: 0000-0001-6320-2804.

⁶ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ в рамках Междисциплинарных научно-образовательных школ Московского университета, школа «Математические методы анализа сложных систем», проект № 24-Ш05-09 «Построение траекторий устойчивого развития России в условиях цифровизации экономики и общества».

© Бобылев Сергей Николаевич, 2025

© Барабошкина Анастасия Валерьевна, 2025

© Курдин Александр Александрович, 2025

© Яковлева Екатерина Юрьевна, 2025

© Бубнов Александр Сергеевич, 2025

развития в глобальном масштабе. Их эффективная реализация на уровне отдельных государств требует адаптации с учетом национальных стратегий и приоритетов развития. Исследований, затрагивающих вопросы приоритетности той или иной ЦУР для России с учетом текущих реалий, недостаточно. Данная статья посвящена оценке степени скоординированности обновленных весной 2024 г. Национальных целей развития (НЦР) России и Целей в области устойчивого развития ООН и разработке системы ключевых национальных индикаторов устойчивости. В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ, статистический анализ, метод классификации, основанный на ранжировании, экономико-правовой анализ. Результаты исследования показали, что хотя уровень взаимного соответствия НЦР и ЦУР растет, из 169 задач ЦУР с российскими НЦР соотносятся чуть больше половины. Такой итоговый процент обусловлен тем, что ряд задач ЦУР глобального характера либо не адаптированы к страновому уровню, либо не являются приоритетными для России. Детальный анализ свидетельствует о том, что в «ядре» взаимных пересечений ЦУР и НЦР экономический аспект развития скорее преобладает над экологическим и социальным. Среди конкретных «разрывов» между ЦУР и НЦР можно выделить недостаток внимания к проблеме энергетической эффективности и развития возобновляемой энергетики в России. Сформированный авторами статьи набор из 14 ключевых индикаторов устойчивости позволит в дальнейшем перейти к сценарному моделированию совместной реализации ЦУР и НЦР. Также предлагаются дополнительный «сквозной» индикатор – энергоемкость валового внутреннего продукта, который отражает важные аспекты устойчивого развития и позволит внести вклад в достижение сразу нескольких НЦР.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, национальные цели развития России, устойчивое развитие, энергетическая эффективность, ключевые индикаторы устойчивости.

Цитировать статью: Бобылев, С. Н., Барабошкина, А. В., Курдин, А. А., Яковлева, Е. Ю., & Бубнов, А. С. (2025). Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 40–59. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3>.

S. N. Bobylev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. V. Baraboshkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. A. Kурдин

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. Yu. Yakovleva

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. S. Bubnov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: Q01, F63, O2

THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF RUSSIA AND KEY SUSTAINABILITY INDICATORS⁷

The United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) constitute a framework of guidelines including social, environmental, and economic aspects of development on a global scale. Their effective implementation at the national level requires adaptation in accordance with national development strategies and priorities. There is a lack of research addressing the prioritization of specific SDGs for Russia under the current circumstances. This article focuses on assessing the degree of alignment between Russia's National Development Goals (NDGs), revised in the spring of 2024, and the UN Sustainable Development Goals, as well as on developing a system of key national sustainability indicators. The research methods include comparative analysis, statistical analysis, a classification method based on ranking, economic and legal analysis. The results indicate that although the level of correspondence between the NDGs and SDGs is increasing, just over half of the 169 SDGs align with Russia's NDGs. This is due to the fact that some globally oriented SDG targets are either not adapted to the national level or not considered as Russian priorities. A detailed analysis shows that within the "core" of the overlapping SDGs and NDGs, the economic aspect of development tends to prevail over environmental and social aspects. Among the specific gaps between the SDGs and NDGs are the lack of attention to energy efficiency and the development of renewable energy in Russia. The proposed set of 14 key sustainability indicators will allow us to move on to the scenario modeling of the joint implementation of the SDGs and NDGs. Additionally, an extra "cross-cutting" indicator—energy intensity of gross domestic product — is proposed. This indicator reflects important aspects of sustainable development and can contribute to achieving several NDGs simultaneously.

Keywords: Sustainable Development Goals, National Development Goals of Russia, sustainable development, energy efficiency, key sustainability indicators.

---

⁷ The work was carried out with the support of the Moscow State University Development Program within the framework of Interdisciplinary Scientific and Educational Schools of Moscow University, school "Mathematical methods of analysis of complex systems", project No. 24-III05-09 "Building sustainable development trajectories of Russia in the context of digitalization of the economy and the society".

To cite this document: Bobylev, S. N., Baraboshkina, A. V., Kурдин, А. А., Yakovleva, E. Yu., & Bubnov, A. S. (2025). The National Development Goals of Russia and key sustainability indicators. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 40–59. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3>

Введение

Цели устойчивого развития (ЦУР), зафиксированные в концептуальном документе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», описывают комплекс вызовов социально-экологического-экономического характера, с которыми сталкивается мировое сообщество (United Nations, 2015). ЦУР задают вектор развития, направленный на достижение высокого уровня благополучия всего человечества и защиту окружающей среды. Для качественной реализации Целей на национальном и региональном уровнях требуется их адаптация, расстановка приоритетов, учет стратегий развития рассматриваемой страны (региона) и сбалансированный подход.

Ученые по всему миру предпринимали попытки разработки инструментов эффективной адаптации Целей устойчивого развития и способов их достижения (Allen et al., 2016; Sebestyén, Abonyi, 2021; Szetey et al., 2021; Wang et al., 2024).

В России первая работа, центральной темой которой стали комплексный анализ ЦУР, попытка их интеграции в российский контекст, оценка выгод и перспектив для страны, была подготовлена в 2016 г. экспертами Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (Бобылев, Григорьев, 2016).

Разработкой подходов к построению национальных индикаторов устойчивого развития занимались С. Н. Бобылев, Б. Н. Порфириев, О. В. Кудрявцева, С. В. Соловьева, К. С. Ситкина (Бобылев, Порфириев, 2018; Бобылев и др., 2018).

В 2020 г. Аналитический центр вместе с рядом ФОИВ и информационных партнеров выпустил первый «Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где были описаны достигнутые в России результаты, механизмы реализации ЦУР, а также их взаимосвязи и дальнейшие перспективы (Аналитический центр, 2020). В рамках экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению Повестки устойчивого развития» Счетная палата РФ в 2020 г. оценила степень соответствия содержания российских нормативных правовых актов, проектов и ЦУР (Счетная палата, 2020).

Однако еще не проводились научно-исследовательские работы по со-поставлению Целей устойчивого развития с Национальными целями развития (НЦР) Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Недостаточно исследований, затрагивающих вопросы

приоритетности той или иной ЦУР для России с учетом текущих реалий. Новизна настоящего исследования заключается в предложении системы ключевых индикаторов устойчивости, позволяющих оценивать уровень достижения как НЦР, так и актуальных для России ЦУР.

Целью настоящего исследования является разработка системы ключевых индикаторов устойчивости, опирающейся на национальные цели развития и приоритетные для России ЦУР.

Поставленная цель подразумевает решение ряда взаимосвязанных задач:

- соотнесение задач и целевых показателей, характеризующих достижение НЦР, с задачами ЦУР;
- оценка степени скординированности НЦР и ЦУР;
- оценка приоритетности Целей устойчивого развития для России с учетом их взаимосвязанности с НЦР;
- сравнительный анализ содержания НЦР в предыдущих и новой редакциях с учетом охвата ЦУР;
- формирование системы ключевых индикаторов, позволяющей оценить прогресс в достижении НЦР и ЦУР, имеющих высокий и максимальный приоритет для России.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: сравнительный анализ; статистический анализ; метод классификации, основанный на ранжировании; экономико-правовой анализ.

Взаимосвязь Национальных целей развития Российской Федерации и Целей в области устойчивого развития

Проблемы взаимной увязки или хотя бы соответствия НЦР и ЦУР в России носят далеко не только технический характер и имеют несколько измерений.

В административном и внутриполитическом измерении многообразие показателей и неполная их упорядоченность могут усугублять агентскую проблему, усиливая и асимметрию информации (из-за сложности мониторинга большего разнообразия показателей, определения их взаимосвязи и, соответственно, контроля оптимального распределения усилий агентов между показателями), и риски расхождения по стимулам принципалов и агентов (принципалам сложнее настроить стимулирующие контракты, а агентам сложнее к ним адаптироваться). Приоритизация НЦР, непосредственно заданных руководством государства, казалось бы, позволяет снять или по крайней мере ослабить эту проблему непосредственно в рамках госаппарата, однако реализация целей развития подразумевает вовлечение и корпоративного сектора, и некоммерческих организаций, которые не могут абстрагироваться от ЦУР по различным причинам. Корпорациям (включая и предприятия с го-

существием) нужно обеспечивать международную репутацию и проявлять социальную ответственность, в том числе для встраивания в глобальные производственно-сбытовые цепочки, пусть и в новом формате с ориентацией на развивающиеся страны. В определенной степени нарастающая волна ESG-отчетности крупного бизнеса связана с попытками реализовать ЦУР на корпоративном уровне, хотя и в достаточно аморфном виде. Некоммерческие организации глобально связаны выполнением своей миссии, а также решением более прикладных задач (например, для научно-образовательных организаций – репутационных задач для позиционирования в мировых рейтингах и привлечения абитуриентов).

В финансово-экономическом измерении в первом приближении встает вопрос о распределении ресурсов между все более широким набором целей и задач, так чтобы оптимизировать затраты, найдя наилучшие «рычаги» воздействия комплексного характера.

В международно-политическом измерении возникает вопрос баланса между «суверенными» целями государства и необходимостью соответствовать глобальным ожиданиям. Глобальная повестка устойчивого развития признается всеми или почти всеми государствами, независимо от их принадлежности к внешнеполитическим блокам, и несоответствие целей государственной политики и целей устойчивого развития будет восприниматься как «безбилетничество», некооперативное поведение в рамках производства глобальных общественных благ или преодоления негативных глобальных внешних эффектов (более подробно институциональная интерпретация глобальных проблем устойчивого развития рассмотрена, к примеру, в статье Л. М. Григорьева и А. А. Курдина (Григорьев, Курдин, 2013)). В конечном счете это может стать фактором осложнения международного сотрудничества.

Международная экономико-политическая повестка дня и поддающиеся оценке среднесрочные перспективы выявили факторы, обусловливающие тенденции к переосмыслению и, по всей видимости, уточнению системы критерииев устойчивого развития на национальном уровне и связанных с ним индикаторов. Некоторые проявления этих процессов:

- Россия и Китай в начале февраля 2022 г. выпустили совместное заявление об особом понимании устойчивого развития (Official Internet Resources, 2020, February);
- Администрация Президента России в лице его специального представителя по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития Бориса Титова заявила, что необходимо создать новую систему критериев устойчивого развития и продвигать ее вместе с дружественными странами (ТАСС, 2024);
- Россия не поддержала «Пакт во имя будущего» (Организация Объединенных Наций, 2024), который, в частности подводит проме-

жеточные итоги реализации ЦУР и формулирует задачи на перспективу.

Все эти факторы заставляют уделять пристальное внимание согласованию НЦР и ЦУР, безусловно не отказываясь от приоритизации национальных документов.

В настоящее время для достижения 17 Целей в области устойчивого развития ООН поставлено 169 задач. В актуальной редакции семь Национальных целей развития Российской Федерации подразделены на 82 задачи, часть из которых содержит конкретные показатели, характеризующие достижение соответствующей НЦР.

Проведенный анализ положений Указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее также – Указ № 309) (Указ, 2024) и их сопоставление с Целями в области устойчивого развития показал, что национальные цели хотя и в разной степени, но связаны со всеми 17 ЦУР. В разрезе задач из 169 задач ЦУР с российскими НЦР соотносятся 87, или 52%. В табл. 1 Цели ранжированы исходя из доли задач ЦУР, соотнесенных с задачами и целевыми показателями НЦР, в общем количестве ЦУР. Максимальный уровень соответствия у ЦУР 4 («Качественное образование»): 9 из 10 задач ЦУР 4 связаны с задачами и целевыми показателями НЦР, или 90%. За ней с небольшим отрывом следуют ЦУР 2 («Ликвидация голода») и ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») – 88%. Минимальный уровень соответствия у ЦУР 14 («Сохранение морских экосистем»): всего 1 из 10 задач ЦУР 14 соотносится с задачами НЦР (табл. 1).

Таблица 1

Число задач Целей в области устойчивого развития, соотносимых с НЦР, и ранжированный список ЦУР

ЦУР	Число задач ЦУР, соотносимых с НЦР	Общее количество задач ЦУР	Доля соотнесенных задач в общем количестве задач ЦУР, %
ЦУР 4	9	10	90
ЦУР 2	7	8	88
ЦУР 9	7	8	88
ЦУР 3	11	13	85
ЦУР 7	4	5	85
ЦУР 8	9	12	75
ЦУР 11	7	10	70
ЦУР 12	7	11	64

Окончание табл. 1

ЦУР	Число задач ЦУР, соотносимых с НЦР	Общее количество задач ЦУР	Доля соотнесенных задач в общем количестве задач ЦУР, %
ЦУР 13	3	5	60
ЦУР 6	4	8	50
ЦУР 1	3	7	43
ЦУР 15	5	12	42
ЦУР 10	3	10	30
ЦУР 5	2	9	22
ЦУР 16	2	12	17
ЦУР 17	3	19	16
ЦУР 14	1	10	10
Всего	87	169	52

Источник: составлено авторами на основе данных (Указ, 2024; United Nations, 2024).

Такой относительно невысокий итоговый процент соответствия обусловлен тем, что ряд задач ЦУР глобального характера не адаптированы к страновому уровню, либо не соотносятся с национальными стратегическими приоритетами развития и поэтому не являются валидными для России. Отметим, что среди аспектов, затронутых в ЦУР, но пока полновесно не вошедших в НЦР остаются сохранение морских экосистем, миграционная составляющая в демографической политике и равенство полов.

Закономерно, что глобальные и национальные интересы не могут быть тождественны. Отчасти адаптация глобальных векторов развития через призму национальных интересов осуществляется за счет разработки системы национальных показателей достижения ЦУР, которая существует и в России (они использованы в статье далее).

С другой стороны, важно отметить, что к актуальным для России задачам ЦУР мы отнесли те задачи, актуальность которых уже «перезрела». Их глобальное выполнение планировалось завершить к 2020 г., однако в России это не было в полной мере реализовано: например, задача 8.6 «К 2020 году существенно сократить долю молодежи, которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков» (United Nations, 2024). За период с 2017 по 2022 г. доля молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, в РФ снизилась всего на 0,4 п.п.: с 10,5 до 10,1%. А в отдельных российских регионах этот показатель, наоборот, демонстрирует тренд на увеличение. Так, в Северо-Кавказском федеральном

округе за аналогичный период доля возросла на 5 п.п.: с 18,5 до 23,5% (Росстат, 2024). По-прежнему крайне важной для России остается задача 6.6 «К 2020 году обеспечить охрану и восстановление связанных с водой экосистем, в том числе гор, лесов, водоно-болотных угодий, рек, водоносных слоев и озер» (United Nations, 2024) – в частности, такой вывод позволяют сделать установленные в рамках НЦР «Экологическое благополучие» задачи «снижение к 2036 г. в два раза объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты, сохранение уникальной экологической системы озера Байкал» и «сохранение лесов и биологического разнообразия, устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создание условий для экологического туризма во всех национальных парках» (Указ, 2024).

Проведенный анализ задач НЦР и ЦУР позволили оценить степень их скоординированности и сформировать таблицу, отражающую взаимосвязь между ними. Наибольший вклад в достижение Целей устойчивого развития может внести реализация задач в рамках НЦР «Устойчивая и динамичная экономика» (охватывает 11 из 17 ЦУР). Если посмотреть с другого ракурса, то больше всего НЦР охватывают ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост») и ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») – 6 и 5 из 7 НЦР соответственно (табл. 2).

Таблица 2

**Взаимосвязь Целей в области устойчивого развития
и Национальных целей развития России**

НЦР / ЦУР	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
«Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»	v	v	v	v				v	v	v								7
«Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»				v				v		v	v						v	5
«Комфортная и безопасная среда для жизни»			v	v		v	v	v	v		v	v						8

Окончание табл. 2

НЦР / ЦУР	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
«Экологическое благополучие»			v			v		v			v	v	v	v	v			8
«Устойчивая и динамичная экономика»	v	v		v			v	v	v	v	v	v	v			v	11	
«Технологическое лидерство»	v	v					v	v									4	
«Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»					v				v						v		3	
	2	3	4	4	1	2	2	6	5	3	4	3	2	1	1	1	2	

Источник: составлено авторами на основе данных (Указ, 2024; United Nations, 2024).

Наличие «ядра» пересечения ЦУР и НЦР именно в части экономических показателей, в части проблем экономического роста и промышленности, позволяет предполагать наличие «перекоса» в структуре российских НЦР от социальных и экологических к экономическим показателям относительно глобальной повестки. Этого можно было ожидать для развивающихся экономик, которые в соответствии с иерархией потребностей (которая транслируется и в концепцию экологической кривой Кузнецова (Stern, 2017)) должны сначала обеспечить приемлемый уровень дохода, прежде чем реализовывать потребности в части социального благополучия и здоровой окружающей среды. Но и для России, которая уже вошла по классификации Всемирного Банка 2024 г. в группу стран с высоким доходом (World Bank Group, 2024), такая ситуация актуальна, что свидетельствует о сохранении инерции развивающейся страны в ориентирах государственной политики.

Сравнительный анализ задач, характеризующих достижение НЦР, и задач ЦУР позволил оценить приоритетность ЦУР для России через призму внимания к ним государственных властей. Уровень приоритета определялся исходя из долей соотнесенных с НЦР задач ЦУР (табл. 3).

Таблица 3

**Ранжирование Целей в области устойчивого развития
по уровню приоритета для России на горизонте до 2030 г.
(и на перспективу до 2036 г.)**

Максимальный приоритет	Высокий приоритет	Умеренный приоритет
ЦУР 4	ЦУР 12	ЦУР 5
ЦУР 2	ЦУР 13	ЦУР 16
ЦУР 9	ЦУР 6	ЦУР 17
ЦУР 3	ЦУР 1	ЦУР 14
ЦУР 7	ЦУР 15	
ЦУР 8	ЦУР 10	
ЦУР 11		

Источник: составлено авторами.

Тем не менее на пути к сближению с ЦУР можно отметить значительный прогресс, что особенно обнадеживающе выглядит в условиях проблематизации внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки. Анализ содержания Указов Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ, 2018), «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Указ, 2020) и нового Указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (Указ, 2024) показал расширение приоритетных направлений и задач развития страны. Можно выделить следующие ключевые изменения, в том числе с учетом охвата ЦУР:

- перечень задач, выполнение которых характеризует достижение Национальных целей развития, был существенно расширен, детализирован, в том числе за счет увеличения количественных показателей в формулировках задач. Так, в текущей редакции число задач выросло в 3,4 раза по сравнению с их числом в предыдущем Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;
- в первых двух Указах экологический аспект не был выделен в отдельную НЦР, весной 2024 г. ситуация изменилась: одной из НЦР стало «Экологическое благополучие». При этом НЦР «Комфортная и безопасная среда для жизни», которая ранее включала несколько экологических задач, в текущей редакции видоизменена и существенно расширена за счет социальных и инфраструктурных аспектов;
- НЦР «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» в текущей редакции заменена на две новые «экономические» цели «Устойчивая и динамичная экономика» и «Техноло-

гическое лидерство», включающие все аспекты экономики с акцентом на инновационность и импортозамещение.

Важно отметить, что НЦР России до 2024 г. соотносились всего с 8 из 17 ЦУР (Счетная палата, 2020, с. 18), а новые НЦР, как показал проведенный анализ, в той или иной степени соотносятся со всеми 17 ЦУР.

В то же время нельзя не обратить внимание и на сохраняющиеся «проблемы» в рамках сформированных НЦР применительно к устойчивости развития. В частности, озабоченность вызывает недостаточное внимание к такому приоритетному для России индикатору как энергетическая эффективность и ее показателям: в задачах НЦР о ресурсной и энергетической эффективности заявлено только в контексте ЖКХ и строительства. В условиях крайне значимого энергетического сектора, достаточно энергоемкой, со значительным экологическим воздействием экономики и отсутствия серьезного прогресса по этому направлению за последние примерно 15 лет (рис. 1) это усиливает риски замедления модернизации энергетической системы страны и ее зеленой низкоуглеродной трансформации, хотя, казалось бы, ранее Правительство России приняло Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, что предполагает изменения в энергосистеме.

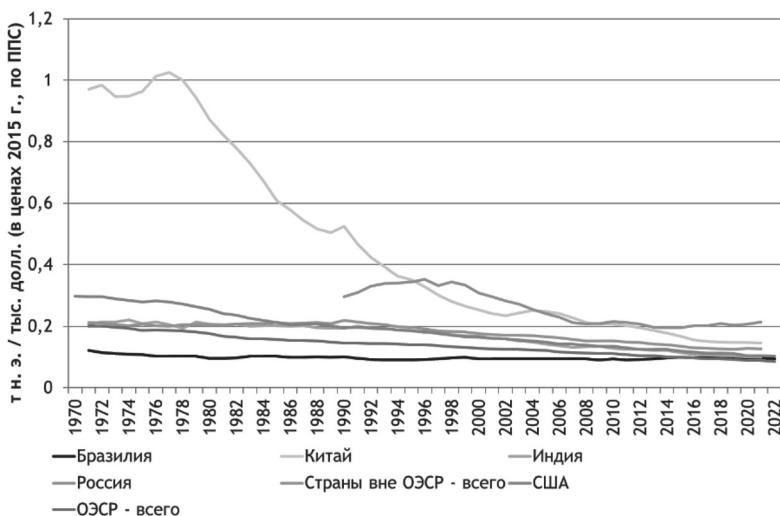

Рис. 1. Энергоемкость ВВП в России и странах сопоставления

Источник: составлено авторами на основе данных

(International Energy Agency, 2023b).

Энергоемкость (показатель, обратный энергоэффективности) ВВП России выше в 2–3 раза, чем у развитых стран (International Energy Agency,

2023b). При этом исторически снижение энергоемкости ВВП на 0,5–0,8% обеспечивает рост ВВП на душу населения на 1%, а вклад повышения энергоэффективности в снижение выбросов парниковых газов может достигать 44% (Башмаков, 2019, с. 52, 58). Это демонстрирует важность индикаторов энергоемкости и энергоэффективности в контексте роста уровня благосостояния населения и перехода к низкоуглеродной модели экономики и, соответственно, необходимость их включения в состав задач НЦР.

В рамках НЦР не упоминаются возобновляемые источники энергии (ВИЭ). При этом для реализации ключевой цели новой Климатической доктрины России, которая заключается в достижении страной «углеродной нейтральности» не позднее 2060 г., одной из важных мер является «развитие использования возобновляемых и альтернативных источников энергии с низким уровнем выбросов парниковых газов» (Указ, 2023). В индексе мировой энергетической трилеммы 2023 г. Россия заняла 39-е место (из 99 стран). Наилучший результат Россия показала в сфере энергетической безопасности, получив оценку «А». В категории «энергетическое равенство» Россия получила оценку «В». Ниже всего результаты у страны в сфере экологической устойчивости (оценка «С»), измеряемой с помощью таких индикаторов, как энергоемкость ВВП, низкоуглеродная генерация электроэнергии и выбросы CO₂ на душу населения (World Energy Council, 2024). Это связано с тем, что в российской структуре производства электроэнергии довольно большую долю занимают ископаемые виды топлива (62%), а на такие «новые» ВИЭ, как солнечная и ветровая энергия, приходится всего 0,7% (International Energy Agency, 2023a). Кроме того, как уже упоминалось выше, энергоемкость ВВП России сравнительно высокая, довольно большие и выбросы CO₂ на душу населения — 11,4 т при среднемировой величине в 4,7 т (Our World in Data, 2024).

Выбросы в атмосферу в рамках НЦР тоже представлены очень фрагментарно: речь идет только о выбросах опасных загрязняющих веществ в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха.

Это лишь несколько примеров конкретных актуальных для России «разрывов» между ЦУР и НЦР, над которыми еще предстоит работать.

Ключевые индикаторы устойчивости

С разработкой системы приоритетов тесно связано формирование системы «ключевых», или «базовых», индикаторов (показателей), обладающей рядом критериев, наиболее важными из которых представляются следующие:

- достаточно полно и емко характеризует прогресс в достижении поставленных задач;
- подсвечивает наиболее актуальные аспекты поставленных задач;

- опирается на имеющуюся систему национальных статистических показателей, размещенных в открытом доступе;
- ключевой индикатор может быть сквозным, сочетая социальные, экологические и экономические аспекты поставленных задач;
- упрощает интерпретацию текущей ситуации в релевантных областях для лиц, принимающих решения;
- прост и понятен для всех заинтересованных сторон.

Многие страны и международные организации сформировали собственные системы индикаторов, отражающие ключевые для них вопросы. Так, ОЭСР предлагает набор из 8 ключевых социальных индикаторов (OECD, 2009). Великобритания разработала систему индикаторов устойчивого развития, состоящую из 12 ключевых и 23 дополнительных индикаторов, которые включают 25 и 41 метрик соответственно (Lofts, Macgogu, 2015). Система индикаторов устойчивого развития Китая включает 24 индикатора для городов, разделенных на пять категорий устойчивого развития: экономическое развитие, общественное благосостояние, природные ресурсы, потребление и выбросы, экологический менеджмент (Columbia Climate School, 2023).

Выделяют три подхода к построению системы ключевых (базовых) индикаторов. В рамках *первого подхода* система включает три раздела «тема-подтема-индикатор»; возможно ее построение и на основе структуры «воздействие-состояние-реакция». В основе *второго подхода* лежит структура «проблема-индикатор». *Третий подход* является наиболее агрегированным, так как формируется по видам капитала (физический, природный, человеческий) с последующим выделением ключевых индикаторов (Бо-былев и др., 2001).

Цели нашего исследования в большей степени соответствует *второй подход* «проблема-индикатор», позволяющий дать количественную характеристику основным вопросам, которых касаются НЦР, с учетом максимально и высоко приоритетных для России ЦУР.

Ключевые индикаторы, характеризующие прогресс в достижении НЦР, были отобраны авторами из национального перечня показателей ЦУР. Несмотря на то что взаимоувязка задач и показателей НЦР с национальным набором показателей ЦУР формально не закреплена, можно говорить об их сопоставимости. В большинстве случаев, если задача ЦУР соответствует задаче НЦР, то показатель из перечня индикаторов ЦУР может быть использован для примерной оценки степени достижения задачи НЦР. В табл. 4 представлены ключевые (базовые) индикаторы, на наш взгляд, соответствующие каждой из НЦР России, их динамика и ее оценка. Из 14 отобранных показателей восемь демонстрируют рост, шесть — снижение (табл. 4).

Таблица 4

**Ключевые (базовые) индикаторы устойчивого развития России,
сочетанные с НЦР, значение индикаторов в динамике
и оценка динамики**

НЦР	Ключевой индикатор	Значение индикатора (2018 г.)	Значение индикатора (2022 г.)	Оценка динамики
«Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, %	72,9 12,0**	73,4* 9,1*	↑ ↓
«Реализация потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»	Валовой коэффициент охвата образовательными программами высшего образования - программы бакалавриата, специалитета, магистратуры, в процентах от численности населения в возрасте 17–25 лет, % Общая численность граждан, волонтерами (обществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, некоммерческих организаций, государственных и муниципальных учреждений, в добровольческую (волонтерскую) деятельность, млн чел.	32,7 4,19	31,3 15,20*	↓ ↑
«Комфортная и безопасная среда для жизни»	Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов (индекс качества городской среды — выше 50%), % Количество граждан, расселенных из непригодного для проживания жилищного фонда, тыс. чел.	23,5 72,35	68,0* 471,79	↑ ↓

Окончание табл. 4

НПР	Ключевой индикатор	Значение индикатора (2018 г.)	Значение индикатора (2022 г.)	Оценка динамики
«Экологическое благополучие»	Доля утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления в общем объеме образовавшихся отходов производства и потребления, %	52,6	45,7	↓
«Устойчивая и динамичная экономика»	Численность населения, проживающего в неблагоприятных экологических условиях (в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха), млн чел.	13,4	49	↑
«Технологическое лидерство»	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	614,33	958,81	↑
«Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»	Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости, %	14,10	13,96*	↓
	Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентном отношении к ВВП, %	1,0	0,94	→
	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	6,5	5,1	→
	Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет», %	73,2	87,3*	↑
	Затраты на внедрение и использование цифровых технологий, млрд руб.	2316,8*	3785,5	↑

Примечание: * — данные доступны за 2023 г.; ** — данные доступны с 2019 г.
Источник: составлено авторами на основе данных (Росстат, 2024).

Также мы предлагаем дополнительный «сквозной» индикатор, охватывающий сразу несколько НЦР – энергоемкость валового внутреннего продукта, который отражает важные социально-эколого-экономические аспекты устойчивого развития. Повышение энергоэффективности может внести вклад в достижение таких НЦР, как «Технологическое лидерство», «Устойчивая и динамичная экономика» и «Экологическое благополучие».

Определение системы ключевых индикаторов дает основания для перехода к моделированию и сценарному анализу возможной динамики совместного выполнения ЦУР и НЦР в России в средне- и долгосрочной перспективе с учетом выявленных приоритетов на дальнейших этапах исследования.

Выводы

Вне зависимости от конфигурации внешнеполитических отношений России как государству неизбежно приходится и придется «сверять часы» с повесткой глобальных проблем, в частности с Целями устойчивого развития. ЦУР можно критиковать и дополнять по разным направлениям (более подробно этот вопрос был рассмотрен, к примеру, в (Bobylev, Grigoryev, 2020)), но не рассматривать их в русле национальных приоритетов нельзя из-за ориентации на них множества государств, фирм и других организаций. Новые российские НЦР скорее демонстрируют прогресс в части соотношения с ЦУР, однако более детальный анализ взаимных пересечений свидетельствует о том, что они акцентированы в большей степени на экономическом аспекте развития. Это заставляет говорить, что российская госполитика все еще находится в логике развивающихся стран, несмотря на относительно высокие достигнутые уровни дохода. Сложно, да и не нужно рассчитывать на опережающие корректировки национальных ориентиров, но некоторые разрывы между ЦУР и НЦР обращают на себя внимание, в частности недостаток внимания к энергоэффективности в НЦР. Более детальный дальнейший анализ предполагает разработку сценариев совместной реализации ЦУР и НЦР, которая могла бы основываться на системе предлагаемых нами (и подлежащих, безусловно, дальнейшему развитию и уточнению) ключевых индикаторов.

Список литературы

Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. (2020). *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.* https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf

Башмаков, И. А. (2019). Повышение энергоэффективности и экономический рост. *Вопросы экономики*, 10, 32–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63>

Бобылев, С. Н., & Григорьев, Л. М. (ред.) (2016). *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития. ООН и Россия*. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>

Бобылев, С. Н., & и др. (2001). *Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты)*. М.: ЦПРП.

Бобылев, С. Н., Кудрявцева, О. В., Соловьева, С. В., & Ситкина, К. С. (2018). Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 2, 21–33. <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

Бобылев, С. Н., & Порфириев, Б. Н. (2018). Города и мегаполисы: проблема definicijii и индикаторы устойчивого развития. *Проблемы прогнозирования*, 2, 14–23. <https://ecfor.ru/publication/indikatory-razvitiya-gorodov/>

Григорьев, Л. М., & Курдин, А. А. (2013). Механизмы глобального регулирования: экономический анализ. *Вопросы экономики*, 7, 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-7-4-28>

Организация Объединенных Наций. (2024). *Пакт во имя будущего*. Дата обращения 10.10.2024, <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future>

Росстат. (2024). *Национальный набор показателей ЦУР*. Дата обращения: 15.06.2024, <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

Счетная палата Российской Федерации. (2020). Цели устойчивого развития. *Бюллетень Счетной палаты РФ*, 6 (271). <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-6-271-2020-g>

ТАСС. (2024, июнь). *Титов: РФ намерена создать новую систему критерии устойчивого развития*. Дата обращения 10.10.2024, <https://tass.ru/ekonomika/21123455>

Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». (2018, 7 мая) от 07.05.2018 (№ 204). <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года», (2020, 21 июля) от 21.07.2020 (№ 474). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

Указ Президента РФ «Климатическая доктрина Российской Федерации». (2023, 26 октября) от 26.10.2023 (№ 812). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910>

Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». (2024, 7 мая) от 07.05.2024 (№ 309). <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

Allen, C., Metternicht, G., & Wiedmann, T. (2016) National pathways to the Sustainable Development Goals (SDGs): A comparative review of scenario modelling tools. *Environmental Science & Policy*, 66, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008>

Bobylev, S., & Grigoryev, L. (2020) In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS. *BRICS Journal of Economics*, 1 (2), 4–24. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

Columbia Climate School – The Earth Institute, China Center for International Economic Exchanges. (2023). *China Sustainable Development Indicator System: 2023 Report*. New York, Beijing. <https://spm.ei.columbia.edu/sites/default/files/content/EI-CCIEE%20-%20CSDIS%202023%20Report%20%28ENG%29.pdf>

International Energy Agency. (2023a). *Electricity generation by source, Russian Federation, 1990–2022*. Retrieved October 13, 2024, from <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=RUSSIA&fuel=Energy%20supply&indicator=ElecGenByFuel>

International Energy Agency. (2023b). *World Energy Statistics and Balances. World Indicators (Edition 2023)*. Retrieved November 7, 2023, from <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/energy-intensity>

Loftis, H., & Macrory, I. (2015). *Sustainable Development Indicators*. Office for National Statistics. <https://backup.ons.gov.uk/wp-content/uploads/sites/3/2015/07/Sustainable-Development-Indicators-July-2015.pdf>

OECD. (2009). *Society at a Glance 2009: OECD Social Indicators*. OECD Publishing.

Official Internet Resources of the President of Russia. (2022, February). *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development*. Retrieved October 10, 2024, from <http://www.en.kremlin.ru/supplement/5770>

Our World in Data. (2024). *Per capita CO₂ emissions*. Retrieved October 13, 2024, from https://ourworldindata.org/grapher/co-emissions-per-capita?tab=chart&country=OWID_WRL~RUS~JPN~MEX~BGD

Sebestyén, V., Abonyi, J. (2021). Data-driven comparative analysis of national adaptation pathways for Sustainable Development Goals. *Journal of Cleaner Production*, 319, 128657. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128657>

Stern, D. (2017). The environmental Kuznets curve after 25 years. *Journal of Bioeconomics*, 19, 7–28. <https://doi.org/10.1007/s10818-017-9243-1>

Szetye, K., Moallemi, E. A., Ashton, E., & et al. (2021). Co-creating local socioeconomic pathways for achieving the sustainable development goals. *Sustainability Science*, 16, 1251–1268. <https://doi.org/10.1007/s11625-021-00921-2>

United Nations. (2015). *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. New York. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf>

United Nations. (2024). *SDG Indicators. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Retrieved June 15, 2024, from <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/>

Wang, R., Cui, S., & Gao, M. (2024). Systematic scenario modeling for priority assessment of sustainable development goals in China under interaction and uncertainty. *Environ Dev Sustain*. <https://doi.org/10.1007/s10668-024-04526-4>

World Energy Council. (2024). *Country Profile. Russia*. Retrieved October 13, 2024, from <https://trilemma.worldenergy.org/#!country-profile?country=Russia&year=2023>

World Bank Group. (2024). *Russia was classified as a high-income country*. Retrieved October 13, 2024, from <https://www.worldbank.org/en/about/leadership/directors/eds23/brief/russia-was-classified-as-high-income-country>

References

Accounts Chamber of the Russian Federation. (2020). Celi ustojchivogo razvitiya [Sustainable Development Goals]. *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*, 6 (271). <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-6-271-2020-g>

Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2020). *Voluntary National Review of the progress made in the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf

Bashmakov, I. A. (2019). Energy efficiency and economic growth. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 32–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63>

Bobylev, S. N., & et al. (2001). *Indikatory ustojchivogo razvitiya Rossii (ekologo-ekonomicheskie aspekty [Sustainable development indicators of Russia (ecological and economic aspects)])*. M.: CPRP.

Bobylev, S. N., & Grigoryev, L. M. (ed.) (2016). *Doklad o chelovecheskom razvitiyu v Rossijskoy Federacii. Celi ustojchivogo razvitiya. OON i Rossiya [Human Development Report in the Russian Federation. Sustainable Development Goals. UN and Russia]*. M.: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>

Bobylev, S. N., Kudryavtseva, O. V., Solov'yeva, S. V., & Sitkina, K. S. (2018). Sustainable development indicators: regional dimension. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 21–33. <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

Bobylev, S. N., & Porfir'ev, B. N. (2018). Cities and megalopolises: the problem of definitions and sustainable development indicators. *Problems of Forecasting*, 2, 14–23. <https://ecfor.ru/publication/indikatory-razvitiya-gorodov/>

Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”. (July 21, 2020) of 21.07.2020 (No. 474). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

Decree of the President of the Russian Federation “Climate doctrine of the Russian Federation”. (October 26, 2023) of 26.10.2023 (No. 812). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910>

Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation until 2030 and in the long term up to 2036”. (May 7, 2024) of 07.05.2024 (No. 309). <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

Grigoryev, L. M., & Kурдин, А. А. (2013). Mechanisms of global governance: economic analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-7-4-28>

Rosstat. (2024). *National set of SDG indicators*. Retrieved June 15, 2024, from <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

TASS. (2024, June). *Titov: RF namerena sozdat' novyyu sistemu kriteriev ustojchivogo razvitiya [Titov: The Russian Federation intends to create a new system for such development]*. Retrieved October 10, 2024, from <https://tass.ru/ekonomika/21123455>

United Nations. (2024). *Pact for the Future*. Retrieved October 10, 2024, from <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future> ecree of the President of the Russian Federation “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. (May 7, 2018) of 07.05.2018 (No. 204). <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>